

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Кубанского государственного университета

Prokhorova Marina Leonidovna

LLD,
Professor, Criminal Law and Criminology Department,
Kuban State University

Иващенко Мария Сергеевна

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Ivashchenko Maria Sergeevna

PhD in Law,
Lecturer, Criminal Law
and Criminology Department,
Kuban State University

**КОРРЕКТИРОВАНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
ОТ 15 ИЮНЯ 2006 Г. № 14
«О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ
С НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ,
ПСИХОТРОПНЫМИ,
СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИМИ
И ЯДОВИТЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ»:
РЕШЕНЫ ЛИ ВСЕ НАСУЩНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ?**

**AMENDMENT OF THE RESOLUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
SUPREME COURT PLENUM
DATED JUNE 15, 2006 № 14
“CONCERNING THE JUDICIAL
PRACTICE ON CRIMINAL CASES
ASSOCIATED WITH NARCOTICS,
PSYCHOTROPIC, POTENT
AND POISONOUS SUBSTANCES”:
WHETHER ALL THE PRESSING
ISSUES ARE RESOLVED?**

Аннотация:

В статье представлен критический анализ изменений и дополнений, внесенных в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», постановления одноименного органа от 30 июня 2015 г. № 30.

Ключевые слова:

преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, квалификация преступления, момент окончания преступления, приготовление к преступлению, покушение на преступление.

Summary:

The article carries out a critical analysis of changes and amendments to the Russian Federation Supreme Court Plenum dated June 15, 2006 № 14 “Concerning the judicial practice on criminal cases associated with narcotics, psychotropic, potent and poisonous substances” made by the decree of the same authority dated June 30, 2015 №. 30.

Keywords:

crimes connected with illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, classification of a crime, crime termination time, preparation for a crime, attempted crime.

С точки зрения потребностей правоприменительной практики, внесение изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» являлось насущной необходимостью. Существенное корректирование нормативной базы регулирования оборота указанных препаратов и регламентации уголовной ответственности за названные преступные посягательства породило у правоприменителей немало вопросов, связанных с уголовно-правовой оценкой содеянного в тех или иных ситуациях. Кроме того, как представляется, в предыдущих редакциях соответствующего постановления некоторые проблемы были обойдены вниманием Пленума Верховного Суда РФ.

Позитивно оценивая целый ряд коррективов, внесенных в названный документ постановлением одноименного органа от 30 июня 2015 г. № 30, остановимся на тех рекомендациях Пленума, которые представляются достаточно дискуссионными, а также на тех вопросах, которые так и не нашли ответа.

Прежде всего, представляется спорным положение, сформулированное в п. 13², дополненным постановлением. Вряд ли содержащаяся в нем рекомендация квалифицировать незаконные приобретение, изготовление, переработку, хранение, перевозку предметов, названных в ст. 228¹ УК РФ, как покушение на сбыт того или иного средства или вещества, справедлива с точки зрения общей теории неоконченного преступления. Указанные действия не могут рассматриваться

частью объективной стороны сбыта. Последний представляет собой процесс непосредственной передачи предмета преступления от сбытчика приобретателю. Поэтому началом выполнения объективной стороны сбыта следует считать начало названного процесса, а не предшествующую ему деятельность, лишь создающую условия для его осуществления. Таким образом, совершение незаконных приобретения, изготовления, переработки, хранения, перевозки соответствующих предметов с целью сбыта образует этап приготовления к этому деянию. В связи с этим разъяснение, содержащееся в п. 15 ранее действующей редакции, представляется более обоснованным и соответствующим базовым постулатам уголовно-правовой теории.

Вместе с тем следует заметить, что в рассматриваемой ситуации Пленум Верховного Суда РФ выступает своего рода корректором позиции законодателя. На самом деле деяния, предшествующие сбыту (незаконное приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка наркотиков), обладают достаточно высоким уровнем общественной опасности. Однако если они не «увенчались успехом», то есть сбыт не произошел по обстоятельствам, не зависящим от виновного, при назначении за них наказания необходимо, как известно, руководствоваться правилами, сформулированными в ч. 2 ст. 66 УК РФ. Вряд ли это справедливо с точки зрения оценки их вредности для социума. Поэтому один из авторов данной статьи неоднократно обращал внимание на необходимость придания незаконным приобретению, изготовлению, переработке, хранению, перевозке наркотиков статуса деяний, образующих равноправно, наряду со сбытом, объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 228¹ УК РФ, а не составляющих предшествующую ему предварительную преступную деятельность [1, с. 41–43].

В отечественной нормотворческой практике подобный опыт уже существовал. Стоит вспомнить представленную в редакции указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1974 г. диспозицию ч. 1 ст. 224 УК РСФСР 1960 г.: «Незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или пересылка с целью сбыта, а равно незаконный сбыт наркотических веществ...» [2, с. 741]. Примером может служить и ч. 2 ст. 228 УК РФ в первоначальном изложении (хотя она и была далека от совершенства) [3, с. 108].

Не может быть принята безоговорочно и новая редакция п. 18 постановления в части указания на возможность *допущения* виновным факта совершения соответствующего деяния, в частности сбыта наркотиков, в отношении несовершеннолетнего лица (п. «в» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ). Определяя содержание вины, уголовный закон указывает на осознание лицом общественной опасности совершаемого деяния, что предполагает знание всех обстоятельств, предопределяющих эту опасность. Что такое допущение того или иного факта в рамках осознания, каковы его критерии? Представляется, что предлагаемый подход неизбежно приведет к объективному вменению, что противоречит принципу вины, закрепленному в ст. 5 УК РФ. Вряд ли отказ законодателя от использования термина «заведомо» применительно в частности к возрасту потерпевшего; в ряде норм УК РФ его следует трактовать как допущение возможности игнорирования базовых принципиальных положений уголовного права [4, с. 108].

В п. 23, формулирующем понятие хищения наркотиков, следовало бы более четко определиться с моментом окончания этого преступления. В силу специфики такой разновидности хищения момент его окончания вряд ли следует связывать с причинением имущественного ущерба собственнику или иному владельцу (несмотря на то что положения примечания 1 к ст. 158 УК РФ распространены законодателем на все статьи УК, содержащие термин «хищение»).

В этом смысле нам импонирует рекомендация, содержащаяся в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (с изм. и доп.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»: «По смыслу закона под окончанным хищением оружия... следует понимать противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению иным образом». Аналогично, на наш взгляд, должен определяться момент окончания хищения, предусмотренного ст. 229 УК РФ. Действительно, хищения специальных видов (ст. 221, 226, 229 УК РФ) должны признаваться преступлениями с формальным составом, так как основной потенциал их опасности кроется не в причинении вреда собственности, а в создании угрозы для общественной безопасности или здоровья, которая возникает потому, что в результате хищения предмет попадает в неконтролируемый оборот [5, с. 23–24].

Требуют разъяснения положения, содержащиеся в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ. Следует ли предусмотренное данной нормой хищение признавать разбоем, или это какая-то иная особая форма хищения? Исходя из установлений гл. 21 УК РФ, необходимо заключить, что такой особой формы названного деяния, как хищение, совершенное с насилием, опасным для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, не существует. Поэтому логично признать, что в

п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ имеется в виду все-таки разбой. Чтобы исключить возникновение у правоприменителей соответствующих вопросов, целесообразно дополнить постановление разъяснением, подобным тому, что содержится в п. 16 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»: «Хищение огнестрельного оружия... путем разбойного нападения (п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ) следует считать оконченным с момента нападения с целью завладения этими предметами, соединенного с насильем, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия».

Нельзя, на наш взгляд, принять безоговорочно рекомендацию, содержащуюся в абз. 2 п. 23 постановления, где раскрывается понятие специального субъекта, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 229 УК РФ. Полагаем, что его могут образовывать исключительно должностные лица и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и иных организациях (примечание 1 к ст. 201 и к ст. 285 УК РФ). Расширение круга субъектов названного квалифицированного вида хищения за счет включения двух категорий лиц (во-первых, тех, которым соответствующие предметы вверены, но без предоставления особых полномочий, связанных с распоряжением и управлением ими, – провизор, лаборант и др.; во-вторых, тех, кому они даже и не вверены, но с использованием или в отношении которых лица выполняют какие-то профессиональные функции – процедурная медицинская сестра, охранник и др.), представляется не вполне обоснованным.

В результате такого подхода исключается возможность совершения хищения, предусмотренного ч. 1 ст. 229 УК РФ, в форме присвоения и растраты. Последние в качестве субъектов предполагают тех лиц, которых Верховный Суд относит к группе субъектов квалифицированного вида посягательства. Вместе с тем в ч. 1 ст. 160 УК РФ называются лица, которым имущество вверено, и лишь в третьей – лица, которые используют при совершении преступления свое служебное положение. Таким образом, закон различает эти категории субъектов.

Подход, избранный Верховным Судом РФ, подводит к выводу, что хищение, предусмотренное ч. 1 ст. 229 УК РФ, может совершаться лишь в формах кражи, мошенничества и ненасильственного грабежа. Присвоение и растрата по непонятной причине из этого круга исключаются. С неизбежностью следует вывод, что присвоение и растрата представляют собой более опасные формы хищения, нежели грабеж. Вместе с тем, сопоставление санкций ст. 160 и 161 УК РФ свидетельствует о другом представлении законодателя об уровне опасности этих преступлений. Возникает вопрос, почему же для рассматриваемого специального вида хищения (ст. 229 УК РФ) совершение его в форме присвоения и растраты – квалифицированный вид, наказуемый (при отсутствии прочих квалифицирующих признаков) строже его исполнения в форме грабежа [6, с. 168–173]?

Таким образом, коррективы, внесенные в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 постановлением одноименного органа от 30 июня 2015 г. № 30, не в полной мере сняли возникающие в правоприменительной деятельности вопросы и не устранили рекомендации, не отвечающие в полной мере положениям уголовного закона и уголовно-правовой теории.

Ссылки:

1. См., напр.: Прохорова М.Л., Огилец Н.И. Ответственность за незаконный оборот наркотиков: закон новый, проблемы старые // Уголовное право. 2004. № 4.
2. Бытко Ю.И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов, 2006.
3. Там же.
4. Огородникова Н.В., Прохоров А.Ю. Соотношение субъективного вменения и фактической ошибки (в контексте последних новелл уголовного закона) // Российский следователь. 2012. № 23.
5. См. также: Дербок З.Г. Специальные виды хищения и вымогательства: проблемы криминализации и перспективы оптимизации их законодательного описания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
6. См. об этом: Прохорова М.Л., Дербок З.Г., Куксин И.Н. Использование лицом своего служебного положения как признак, квалифицирующий специальные виды хищения // Научный вестник Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. Вып. 29, № 16 (187).

References:

1. See: Prokhorov, ML & Ogilets, NI 2004, 'Responsibility for drug trafficking: the new law, the old problems', *Criminal Law*, no. 4.
2. Bitko, YI & Bitko, SY 2006, *Collection of normative acts of the criminal law of Russia the XX-X th centuries*, Saratov.
3. Bitko, YI & Bitko, SY 2006, *Collection of normative acts of the criminal law of Russia the XX-X th centuries*, Saratov.
4. Ogorodnikov, NV & Prokhorov, AY 2012, 'The ratio of subjective imputation and factual errors (in the context of recent stories of the criminal law)', *Russian investigator*, no. 23.
5. See: Derbok, ZG 2015, *Special types of theft and extortion: criminalization and prospects to optimize their legal descriptions*: PhD thesis abstract, Krasnodar.
6. See: Prokhorova, ML, Derbok, ZG & Kuksin, IN 2014, 'Using the face of his official position as a sign of qualifying special types of theft', *Scientific Bulletin Belgorod State University, Series: Philosophy. Sociology. Law*, vol. 29, no. 16 (187).